

А. И. Фалилеев

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

MISCELLANEA VENETICA III

В первой части статьи рассматривается спорный вопрос о венетских указательных местоимениях. В недавних обзорах исследователи уже традиционно упоминают в этой связи .e.(.)i.k., а некоторые также и форму .e.m. Обе представлены в корпусе единожды, и в работе отстаивается гипотеза об их связи с и.-е. местоимением $*(h_1)i-$ ~ $*(h_1)ei-$ ~ $*(h_1)e-$. Венетск. .e.(.)i.k., если мы имеем дело с полной надписью, а не её фрагментом, полностью допускает подобную интерпретацию, однако сам факт выделения .e.m. в единственной надписи из Алтино может быть и неправомерным. Вторая часть исследования посвящена анализу надписи из Атесте (*Es 127). В центре внимания оказываются кельтские вкрапления в этот венетский текст, личные имена (в дат. падеже) bo.i.ii.a.l.na.i[.] и rebeton[-]ia.i. Предлагается их новая интерпретация, и высказываются новые соображения по поводу суффикса *-al-* в диалектах древнекельтского. В заключении приводится ряд комментариев по поводу венето-латинских двуязычных памятников. Штамп SEUTINI / keuθ.ini рассматривается, вслед за М. Лежёном, как «графический дублет», но признается в своей основе латинским, что способствует исключению еще одного часто используемого примера для иллюстрации окончания генитива ед. ч. *o-*основ в венетском. К корпусу памятников, собранных недавно М. Эстаран, предлагается добавить (Od 5 = MLV 235) .o.te[.r.]gin / OPITERGIN.

Ключевые слова: венетский язык, итальянские языки, древнекельтский, эпиграфика, индоевропеистика, антропонимика, двуязычие.

A. Falileyev

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Miscellanea Venetica III

The first part of the paper deals with the problem of Venetic demonstratives. Recent works on Venetic single out two forms, .e.(.)i.k. and .e.m., which are found only once in inscriptions. It is likely that they go back to PIE $*(h_1)i-$ ~ $*(h_1)ei-$ ~ $*(h_1)e-$ as it has been considered already, particularly in view of their possible counterparts in the Italic and other early IE languages, where the corresponding forms may perform both deictic and anaphoric functions. If .e.(.)i.k. is in fact the complete form, it allows such an interpretation, while segmentation of .e.m. in its sole attestation (Altino) may be erroneous. The second part of the paper analyses two Celtic names in the Venetic inscription *Es 127, (dat.sg.)

bo.i.ia.l.na.i[.] and rebeton[-]ia.i., and attention is paid to the functions of the suffix *-al-* in ancient Celtic dialects in conjunction with data from other IE languages. The final section contributes to the study of Veneto-Latin bilingual inscriptions. The stamp CEUTINI / keuθ.ini is considered as a graphic doublet following M. Lejeune and others, but analysed tentatively as Latin rather than Venetic in origin. Attention is paid to (Od 5 = MLV 235) .o.te[r.]gin / OPITERGIN.

Key words: Venetic, Italic languages, Celtic, Indo-European studies, epigraphy, onomastics, bilingualism.

1. К вопросу об указательных местоимениях в венетском

Так как венетский является фрагментарно засвидетельствованным языком, знания об его грамматическом инвентаре оказываются существенно ограниченными. Наиболее полным остается наше представление об именной системе венетского языка, и реально зафиксированы падежные окончания многих основ, преимущественно — единственного числа, однако для *o*-основ также установлены окончания нескольких падежей во множественном числе и, возможно, номинатив двойственного. О склонении других типов основ имеется гораздо меньше данных. Так, основы на *-i* представлены только формами винительного падежа единственного (*-u.n.* в *a.i.su.n.*)¹ и множественного числа (*-u.s.* и *-u.ś.* как в *a.i.su.s.* и *a.i.su.ś.*)², и этот печальный список можно долго продолжать. В целом, для венетского точно известны четыре падежа (именительный, дательный, винительный и аблатив), формы родительного падежа и локатива остаются дискуссионными, а о других возможных (но не обязательных) каденциях сведений попросту нет. Характер венетских текстов обуславливает использование ограниченного количества глагольных форм (преимущественно — 3 лица) и, собственно, выбор глаголов, ср. венетск. *vha.g.s.to* ‘посвятил(а)’ (ср. лат. *facere*) и *dona.s.to* ‘дал(а)’ (< **deh₃-no-*, ср. венетск. существительное в вин. п. ед. ч. *dono.m* (Ca 21) и лат. *dōnum*),

¹ Транслитерация венетских текстов следует традициям М. Лежёна (ср. MLV), если это специально не оговорено; малыми прописными буквами приводятся венетские тексты в латинской графике. Лепонтийские тексты, выполненные т. н. «алфавитом Лугано», графически не различают звонкие и глухие согласные, и *T* надписи может соответствовать [t] и [d].

² О *s* и *ś* в венетском имеется обширная литература; по поводу использования этих знаков в венетск. *vesoś* см.: Falileyev 2018: 39, 42–43 и иной взгляд, представленный в работе Prósper 2018: 20 сн. 23.

сигматический аорист ед. ч. (мн.ч. — *donasan* < *dona-s-nt) и корневой аорист *doto* (см. краткий обзор венецкой грамматики в недавних работах Wallace 2008: 132–135; Wallace 2018: 1834–1836 и Marinetti 2020: 397–398). Данные о многих частях речи в венецком также реконструируются благодаря морфологическому анализу собственных имен. Так, гипотеза о существовании причастий на *-nt-* в венецком основывается на интерпретации антропонимов *who.u.go.n. ta. i* (ж. р., дат. падеж) и *who.u.go.n.te[i]*. (м.р., дат. падеж) < **vhoug-* при лат. *fugient*. Кроме этой мозаичности известных нам грамматических (как и лексических) данных, в этой связи следует обратить внимание на различное их употребление и в количественном аспекте, что также определяется характером памятников. Значительное распространение т. н. «говорящих надписей» (*iscrizioni parlanti*) типа *.e.go vo.l.tiomno.i iuva.n.tio.i* (Es 4 = MLV 59) или *.e.go. u.r.kli .e.ge|torio.i. a.kutio.i.* (Es 5 = MLV 60) состоят из личного местоимения первого лица единственного числа *.e.go* и антропонимической формулы в дательном падеже. Надписи, к примеру, с глагольной формой *dona.s.to* используют форму личного местоимения в форме винительного падежа *mego* (ср. Es 24 = MLV 9 *mego dona.s.to va.n.t.s. mo.l.donke|o. kara.n.mn.s. re.i.tia.i.* или Es 25 = MLV 10 *mego dona.s.to vo.l.tiomno.s. iuva.n.|t.s. a.riiu|n.s. sa.i.nate.i. re.i.tia.i.*), и таких текстов тоже немало. Другие формы, как и иные личные местоимения (за исключением (dat. sg., VI 1) SSELBOISSELBOI ‘himself’ и еще одной дискутируемой формы) остаются неизвестными. Указательные же местоимения в венецком не упомянуты в работе Wallace 2008, однако десять лет спустя этот выдающийся исследователь приводит в этой связи две формы, *.e.(.)i.k.*³ и *.e.m.* (Wallace 2018: 1835; ср. аналогично в Marinetti 2020: 398). Обе были известны десятилетиями, однако неуверенность в их интерпретации продолжает заставлять исследователей, в том числе, и отказываться от использования этих данных в принципе, ср. Dupraz 2012: 129–238.

Венецк. *.e.(.)i.k.* известно по одной надписи на ситутле из Кадоре, (Ca 4 = MLV 242) *.e.(.)i.k. go.l.tano.s. doto lo.u.dera.i. kane.i.* Текст легко интерпретируется грамматически — после рассматриваемой формы идет субъект предложения, представ-

³ *.e..i.k.* во многих исследованиях, ср.: Lejeune 1953: 398; Pellegrini, Prosdocimi 1967: 73 или MLV, с. 300, однако с одной интерпункцией в других, напр., Prosdocimi 1988: 308; Marinetti 2009: 98 и т. д.

ленный личным именем, глагол в форме 3 л. ед. ч. аориста со значением ‘давать’ и два согласованных именных компонента в форме дательного падежа единственного числа. Эти два компонента были проанализированы по-разному — в первом из них видели женский антропоним, имя божества (= лат. *Libera*) и аппелятив ‘девочка’ (см. обзор в Pellegrini, Prosdocimi 1967: 131–33, и ср. новую интерпретацию в Prósper 2018: 33–35), а во втором — и личное имя, и имя прилагательное с различными значениями (см. Pellegrini, Prosdocimi 1967: 109–111 и ср. Prósper 2018: 33; см. также Lejeune 1953: 398). Личное имя *go.l.tano.s.* неизвестно по другим памятникам, как и рассматриваемое *.e.(.)i.k.* Что же касается глагола в форме *doto*, то он достаточно частотен в памятниках венецкого языка, и как и другие формы этого же глагола нередок в вотивных надписях (ср. Marinetti 2020: 386–87). Синтаксически эти тексты могут быть организованы по-разному, ср. (Es 41) *vhre/ma/.i.s./tna doto / re.i.tia.i.*, с Nom. Sg. Fem. + *doto* + Dat. Sg. без обозначения самого объекта. Нередко этот объект оказывается частью *figura etymologica*, *doto dono.m.*, ср. (Ca 23 = MLV 167) *broi.joko.s. | dono.m. doto śa.i.nate.i. | trumusijate.i.* и с обратным следованием компонентов (Ca 66 = MLV 198) *fovo fouvoniko.s. doto dono.m. trumusijate.i.*, причем последний порядок, несомненно, является преобладающим в плане частотности. Иногда объект может быть назван, как в случае с названием венецкого алфавитария, встречающегося в этих надписях в форме винительного падежа *vda.n.*, ср. (Es 47 = MLV 28) *vda.n. vhugia .u.r.kle.i.na | re.i.tie.i. [sic!] dona.s.to.* Объект может быть выражен личным местоимением в форме винительного падежа единственного числа *me go* ‘меня’ (т. н. «говорящие надписи»), ср. (Es 46 = MLV 27) *me go doto re.i.tia.i. | bu.k.ka kolia.i.* Имеются и более сложные структурно надписи как (Es 71) *[.] e.kvo[.]n dona.s.to re.i.ti[ia.i.] me go*, в которой используется и местоимение *me go*, и указывается объект *e.kvo[.]n*. В контексте этих синтаксических типов надписей венецк. *.e.(.)i.k.* как и *.e.m.* и должны быть рассмотрены.

В целом, *.e.(.)i.k.* интерпретировалось по-разному, и, в том числе, в нем видели имя собственное или какое-то сокращение, см. обзор старой литературы [Pellegrini, Prosdocimi 1967, 73] и несколько кратко изложенных гипотез в [Lejeune 1953, 398]. В более поздней работе М. Лежен осторожно рассматривает *.e.(.)i.k.* как использование местоимения в локативе в наречной функции и сопоставляет его с древнелатинск. *heike* > лат. *hīc*, т. е. *.e.(.)i.k.* может восходить к **g^hei(-ke)* ‘тут’ как латинские

формы и фалисские *he, fe* (MLV, с. 100 и 169). Предложение Лежена было отвергнуто уже А. Просдочими (ср. Prosdocimi 1988: 308), так что необходимо скорректировать этимологическую часть с учетом современного состояния компаративистики. Так, о др.-лат. *heike* = лат. *hī* (nom. pl.) и *heike* = *hīc* (Loc.) см. Vine 1993: 237–8, а о фалиск. *hec* ‘здесь’ как производном от локатива местоимения **hei-ke* см. Bakum 2009: 151. Начальный же звук в лат. *hīc* и др., как отмечал М. Уайс, может восходить как к **g^h-*, так и к **g^h'-*, и непосредственная протоформа реконструируется как **he-ce* или **ho-ce* (см. Weiss 2009: 344, ср. также Meiser 2006: 162 — без упоминания варианта с палатальным гуттуральным). Более того, недавний анализ италийских форм как новообразований привел к выводу, что гипотеза о принадлежности к рассматриваемой *comparanda* венетск. *.e.(.)i.k.* крайне маловероятна («highly improbable» — Dupraz 2012: 304, сноска. 67). Следует также отметить, что сам Лежён, предлагая это этимологическое решение, отмечал, помимо прочего, и несколько его фонетических сложностей на уровне анализа собственно венетского корпуса (MLV, с. 100); о рефлексах и.-е. **g^h-*, в венетском см. недавно Falileyev 2018: 43–44.

Другое объяснение возводит венетск. *.e.(.)i.k.* к и.-е. местоимению **(h₁)i-* ~ **(h₁)ei-* ~ **(h₁)e-*, ср. лат. *is, ea, id* (см. Weiss 2009: 339–342 и Meiser 2006: 159–161). Детальное исследование соответствующих сабелльских данных проведено в работе Dupraz 2012: 129–238, ср. также обзор старой литературы в статье Ходорковская 1996: 84. Анализ венетск. *.e.(.)i.k.* как производного от к и.-е. **(h₁)i-*, etc., и сопряженного с дейктическим элементом *-ke* (ср. лат. *nunc*, см. в этой связи Meiser 2006: 161–162) был принят значительным числом исследователей (ср. Prosdocimi 1988: 308; Marinetti 2009: 98 и т. д.). Этимологически это объяснение представляется более убедительным, и если *.e.(.)i.k.* надписи не является на самом деле [...].*e.(.)i.k.*, то двойная интерпункция в этом слове не представляет собой проблему. Подобные случаи редко, но встречаются в венетском корпусе, ср. (Es 60 = MLV 40) *.a..l.lo*, (Es 91 = MLV 92) *.u.ko e..n.non.s.* или (Es 90 = MLV 91) *moloto .e..n.nonia*. Теоним *a..isu.s* сохраняют двойную интерпункцию во всех падежах (Gt 2 = MLV 244 и Gt 1 = MLV 243), ср. также теоним *a..l.t(i)no-*, о котором см. Marinetti 2009: 104–107. Двойная интерпункция традиционно появляется в написании *vhrema.i..s.tna* (напр. Es 41 = MLV 22, Es 52 = MLV 33 или Es 95 = MLV 96), хотя датив этой формы известен и с одной

интерпункцией, (Es 42 = MLV 23) *vhrema.i.s.tna.i*. Так как формально *.e.(.)i.k.* нельзя объяснить как существительное (объект глагола в форме винительного падежа, ср. выше примеры с *vda.n.* или *e.kvo[.]n.*), и оно вряд ли является демонстративом ('*proprium*', < **eiko-*, готск. *aigan*, так Lejeune 1953: 398), то самым экономичным решением будет осторожно видеть в ней указательное местоимение и этимологически возводить к и.-е. *(*h₁e*)i-, etc.

Интерпретация второй формы затруднена несколько иными причинами. Венетск. *.e.m.* выделяют при анализе надписи на скифосе IV в. до н. э. из Алтино, которая в изданиях А. Маринетти выглядит как *.a.[.]t.no.i..e.m.a.-- [--].o.[z]ona.[s.t]o* (Marinetti 2004: 393–394) и *.a.[.]θ<.>no.i..e.m.a.-- [--].o.zona.s[.]θo* (Marinetti 2009: 83), то есть *A[l]tnoi em A----o [d]ona[st]o* '*oppure em A---o donasto A[l]tnoi*'. Надпись включает имя божества в дативе (*A[l]tnoi*), плохо сохранившееся имя дедиканта (*A----o*) и глагольную форму 3 л. ед. ч. претерита *donasto*, известную и по другим венетским памятникам. В *A[l]tnoi* видят вариант более распространенного написания *altino-* (см. подробно Marinetti 2009: 104–107), а имя посвятившего эту надпись (в номинативе) рассматривают как еще один венетский антропоним, принадлежащий к *n*-основам, ср. *Fovo* или *Moldo*. Соответственно, в *em* текста А. Маринетти интерпретирует как дейктическое местоимение в винительном падеже, «*deittico accusative em = 'questo'*». Исследовательница достаточно подробно останавливается на его анализе и сопоставляет эту форму с лат. *em*, *im* и сикульск. *im* (Marinetti 2004: 394; 2009: 97–98), таким образом возводя её также к и.-е. *(*h₁e*)i-, etc. Латинская форма была рассмотрена с разных сторон (ср. Ходорковская 1996: 85; Meiser 2006: 160 и Weiss 2009: 341), и она действительно выступает в анафорической функции, как и её этимологические параллели в оскском. Однако приводимая Маринетти сикульск. *im*, как отмечают исследователи, в отличие от латинских и оскских когнатов, используется именно в дейктической функции (Rosssetti 2012: 85), что известно и для этимологических параллелей в других и.-е. языках, ср. также Kupfer 2003: 205–208 в плане амбивалентности соответствующих др.-инд. примеров. Впрочем, это не влияет на предложенную этимологию и интерпретацию *.e.m.* как местоимения, однако чтение самой надписи, из которой *.e.m.* выделяется, может вызывать вопросы. Ее прорисовки (Marinetti 2004: 394; 2009: 122) позволяют видеть после после-

довательности *e.m.a.* еще одну графему <m> и, возможно, интерпункцию, то есть *e.m.a.m(.)[...]*. Таким образом, по крайней мере, следует поставить вопрос, действительно ли дарителем был *A---o*, как полагают исследователи, или *Emat---o* при этом чтении. Имена на *A-* в венецком хорошо известны, однако начинающиеся на *Em-* антропонимы не встречаются в известном корпусе, что может быть, однако, лишь проблемой фиксации. Этимологические же изыски оказываются в таком случае затрудненными, хотя бы потому, что мы можем иметь дело здесь с ассимиляцией. Обратный процесс диссимиляции назальных в венецком был рассмотрен (ср. MLV, с. 133), и следует обратить внимание на крайнюю редкость сочетания <*e.m.*> в текстах, ср. упоминавшиеся уже выше формы антропонима (дат. п.) [v]hre.m.<m>ato.i. и *vhrema*, *vhrema.i..s.<ti.s.>*, *vhrema.i..s.tna* или *vhrema.i..s.tna*. Таким образом, если неуверенность в правильности интерпретации *.e.(.)i.k.* как указательного местоимения, о чем полвека тому назад писал М. Лежен (MLV, с. 100), продолжает оставаться, то венецк. *.e.m.* является этимологически непротиворечивым, но выделение этой формы в единственной надписи из Алтино может быть и неправомерным.

2. К интерпретации венецкой надписи из Атесте (*Es 127).

Венецкая надпись на ситуде III в. до н. э. из Атесте (*Es 127) *.e.go vhrema.i. bo.i.ia.l.na.i[.] rebeton[-]ia.i. votina.i. .e.petari.s.* давно и хорошо известна исследователям (ср. Prosdocimi 1988: 255). Она относится к «говорящим надписям» и начитается с формы личного местоимения первого лица ед. ч., а заканчивается много дискутируемым словом, скорее всего означающим погребальный памятник. Оно известно во многих написаниях, ср. *.e.kvopetari.s.*, *.e.kupetari.s.*, *.e.kvopetar.s.*, *.e.p.petari.s.*, *ECVPETARIS* или *EQVEPETARS*, и его этимологический анализ, как и точное значение, остаются дискуссионными (см. обзор старой литературы в Pellegrini, Prosdocimi 1967: 74–78, недавнее исследование Pinault 2015–6 и ср. Eska, Wallace 2002: 261–62 касательно синтаксической организации подобных текстов). Глагол в надписи отсутствует, и представлены две пары имен в форме дательного падежа единственного числа. Очевидно, что это — захоронение двух женщин, Фремы и Ребетонии; вопрос же о том, имеется ли здесь ввиду Фрема Бойална или Фрема, жена (дочь) Бойалнса, и Ребетон[-]ия

Вотина, или Ребетон[-]ия жена (дочь) Вотса, остается открытым — идея о том, что формы на *-na* являются гамонимами (или женскими патронимами) продолжает вызывать дискуссии. Также продолжается обсуждение вопроса о связи между этими двумя женщинами. В любом случае, *bo.i.ii.a.l.na.i[.]* и *rebeton[-]ia.i.* надписи уже давно рассматривались как производные от кельтских имен. Сам факт присутствия лингвистически кельтских по происхождению антропонимов в собственно венетских надписях не вызывает особой озабоченности — подобных примеров немало, и хотя, с точки зрения их этимологического анализа некоторые из них остаются дискуссионными, в целом этих примеров достаточно (см. Eska, Wallace 1999; Marinetti, Solinas 2014; Prósper 2019).

Обе кельтские формы, присутствующие в этой надписи из Атесте, остаются во многом спорными. Так, все исследователи согласны в том, что *bo.i.ii.a.l.na.i[.]* восходит к кельск. **boialos* (ср. Prosdocimi 1988: 255; Marinetti, Solinas 2014: 78 или Prósper 2019: 143). Понятно, что эта форма обычно далее прослеживается к кельтск. **boi-* ‘бить, сражаться’ vel sim., ср. известнейшее галльское племенное название *бойи*. Впрочем, имеются и альтернативные интерпретации этимона на и.-е. уровне, а кельтских имен, восходящих к этому компоненту, известно немало, ср. *Voius*, *-a*, *Voio-rix*, и т. д. (см. Delamarre 2019: 138–39). Антропоним сам по себе также зафиксирован в другой собственно венетской надписи (Es 28 = MLV 18) *me go lemetore[i. v]hratere.i. do/na.s.to bo.i.ii.o.s // vo.l.tiio.m.mno.i.* (‘Леметор Бойос (...) брату Волтиомну’ согласно Просдочими (Prosdocimi 1988: 275–76), но ‘Бойос (...) брату Леметору’ согласно Лежёну (MLV, с. 203); *bo.i.ii.o.s.* надписи нередко рассматривают как патроним. Имя же *Voialos*, похоже, не встречается в древнекельтском ономастиконе. Конечно, это может быть просто следствием отсутствия аттестации, но А. Маринетти и П. Солинас настаивают на том, что суффикс *-alo-* имени является типичным для лепонтийской ономастики, вспоминая такие лепонтийские формы (в дат. п.) как *Terialui*, *Piuotialui*,⁴ *Maesilalui* и т. п. (Marinetti, Solinas 2014: 78). Это предположение не может не вызвать недоумения, так как приведенные исследовательницами примеры являются, несомненно, патронимами, соотв., «сыну Дерия», «сыну Бивонтия» и т. д. Действительно, патронимический суффикс на *-al-* хорошо

⁴ *PiuoTialui*; встречается дважды в лепонтийском корпусе, см. *LexLep*, s.v.

засвидетельствован в лепонтийском корпусе и часто сопоставляем с этрусским окончанием генитива. Однако известны попытки рассматривать его и как автохтонный, см. обзор литературы в *LexLep*, s.v. *-al*, который учитывает и возможные латинские параллели. В любом случае, лепонтийские патронимы встречаются вместе с личными именами, которые они определяют, для последнего приводимого Солинас примера см. лепонтийскую надпись второй половины II в. до. н. э. из Миасино, meTelui : maesiilalui : uenia : meTeliKna : asmina : KrasaniKna 'Вения дочь Метела (и) Атсмина дочь Красана (для) Метела сына Маэтсила' (*LexLep*, No-18, с правкой нотации). Таким образом, интерпретация итальянских исследовательниц подразумевает, что в венетской надписи из Атесте гамоним bo.i.iiia.l.na.i[.] оказывается одновременно и патронимом, что невозможно, или двойным (или даже тройным!) патронимом, что также весьма маловероятно. При кельтской же интерпретации формы к лепонтийскому патрониму оказывается присоединенным еще какой-то компонент, что не имеет никаких параллелей в лепонтийском. Примечательно, что сочетание имени *Voius* с, возможно, иным патронимическим суффиксом известно и в другой венетской надписи, (Es 66 = MLV 46) [m]o.l.do bo.i.kno[s. |d]ona.s.to., ср. KrasaniKna из цитируемой выше лепонтийской надписи.

Соответственно, предложенный А. Маринетти и П. Солинас анализ этой формы не может быть принят. Конечно, в лепонтийском корпусе имеется немало примеров, в которых интерпретация *-alo-* сопряжена со сложностями, но они, так или иначе, преодолимы (см. Eska, Wallace 1999: 131). Одним из решений этой проблемы является анализ антропонимов не как патронимов на *-al-*, но как композитов, вторая часть которых содержит последовательность *-alo-*. Так, RiTuKalos в лепонтийской надписи из Чернуско (ср. *LexLep*, s.v. ritukalos) традиционно интерпретируется как составное имя, RiTu- & Kalos, и, в принципе, подобный подход можно применить и к анализу bo.i.iiia.l.na.i[.] венетской надписи. После всеобъемлющего анализа П. Симс-Уильямсом галльских данных на *Ial-* и *-ialo-* (Sims-Williams 2005) можно предположить, что в надписи из Атесте содержится композит (гапакс) **boi-* & *-ialos*. Однако следует отметить, что в древнекельтском имеется и собственно словообразующий суффикс *-al-*, как, например в галльск. антропонимах *Rialus*, *Rialo-branus* и т. д. (см. Delamarre 2017: 149–150). Соответственно, имя из венетской надписи можно

проанализировать как **boi-* & *-al-* без отсылки к лепонтийскому материалу, в котором *-alo-* выполняет патронимическую функцию. Примечательно, что в сноске А. Маринетти и П. Солинас ссылаются на форму *tivalei* из надписи из Падуи (Marinetti, Solinas 2014: 78 сн. 7), которая (*Pa 25) читается как *tivale.i. be.l.lene.i*. Далее в своей статье итальянские исследовательницы упоминают другую надпись из того же населенного пункта (*Pa 26 *vhugiiio.i. tivaliio.i. a.n.tetiio.i. <vku> .e.kupetari.s. e.go.* (ср. Eska, Wallace 2002: 262), где также мы обнаруживаем сопоставимую форму *tivaliio.i.* (Marinetti, Solinas 2014: 79). Имя (или имена) являются венетскими (ср. Prosdocimi 1988: 290–1), хотя многие видят в них кельтские антропонимы, а что же касается самого этого словообразующего суффикса, то он также хорошо известен в венетском. В целом, вопрос о суффиксе *-al-* и его функциях в различных древнекельтских диалектах нуждается в существенном пересмотре, и также с учетом латинских и венетских параллелей, как и «северно-италийского суффикса» *-alo-*, частотного в антропонимии (см. ссылки в *LexLep*, s.v. *-al*), к чему следует также добавить анатолийские и палеобалканские данные (см. Georgiev 1971)⁵. В связи же с рассматриваемым примером ср. также венетск. *a.mu.s.kia.l.na.i* (Es 82 = MLV 83), где конечное *-na* является показателем гамонима или патронима (Eska, Wallace 1999: 131). Попутно следует отметить, что формально *bo.i.ia.l.na.i[.]* точно соответствует венетскому антропониму *a.mu.s.kia.l.na.i* в плане последовательности компонентов *-al-* & *-na-*, однако признать его венетским, а не кельтским, не решается ни один исследователь.

Согласно А. Маринетти и П. Солинас, другой кельтский антропоним, переданный в надписи как *rebeton[-]ia.i.*, следует анализировать как композит, *re-* & **bet(u)o-* (Marinetti, Solinas 2014: 78). Эта этимология не была принята Б. Проспер, которая отмечает, что «**bet(u)o-* обозначает ‘береза’, и маловероятно, что перед этим словом оказался необъясненный префикс *re-*» (Prósper 2019: 144). Испанская исследовательница также уверена, что имя является кельтским по происхождению, но полагает, что оно, реконструируемое как **rēbet(-o/-ā)*, восходит к **prei-b^hu(h₂)-o-* ‘(being) first’. В этом нет необходимости, как и уверенности в том, что имя содержит *ē*, а предложенная этимоло-

⁵ Анатолийские данные рассмотрены в Sasseville 2014/2015: 109–129. Я благодарен А. В. Шацкову за эту ссылку и планирую рассмотреть все эти вопросы в отдельной работе.

логия вызывает много вопросов. При анализе этого имени следует учитывать то, что префикс *re-* < *ro-* (< и.-е. **pro-*) в галльских композитах нередко используется в усилительной функции, ср., напр. топоним *Rerigonium* < *ro-rīg-on-io-* ‘la (place) très royale’ (Delamarre 2017: 164) или антропонимы *Burra*, *Burrius*, *Burrus* и *Reburus* (ср. валл. *bwr* ‘большой’, кельск. **burro-*; возможны и другие интерпретации). Галльск. **bet(t)ou-* ‘береза’, как и **bētū-* ‘еда, питание’ частотны в древнекельтских антропонимах (см. Delamarre 2019: 123–24), поэтому их появление с «интенсивным» префикс *re-* в этом имени из венетской надписи из Атесте не представляется неправдоподобным.

3. Вновь о венето-латинских двуязычных памятниках.

Благодаря исследованию М. Эстаран в нашем распоряжении оказался выверенный корпус венетско-латинских двуязычных надписей (Estarán 2016: 199–223). Одна из них — штамп на керамике *CEUTINI / keuθ.ini* (с вариантами написания *CEUTENI*) — нуждается в определенном пересмотре. Надпись хорошо известна в литературе (Pa 19 = MLV 150), и испанская исследовательница приводит варианты её аттестации и значительную библиографию современных работ, где она упоминается или анализируется (см. Estarán 2016: 208–212), см. также теперь удачный компактный обзор использования латинских алфавитов для записи «малых языков» Италии в Simón Cornago 2020: 1076–1084). Сложность в интерпретации именно этого во многом уникального текста связана с проблемой окончания принадлежащих к *o*-основам венетских существительных в родительном падеже единственного числа. Традиционно, это окончание определялось как *-i*, однако на протяжении нескольких десятилетий многим исследователям удавалось показать, что ряд приводимых примеров относится к другим типам основ, а окончание может быть и показателем дательного падежа единственного числа, см., напр., Eska, Wallace 2002 и Prósper 2019: 133–137. То, что окончание родительного падежа единственного числа *-i* свойственно *o*-основам венетских существительных принято в современной науке на основании нескольких примеров (ср. Prósper 2018: 6; Wallace 2018: 1835 или Marinetti 2020: 396), однако для нескольких зафиксированных форм интерпретация *-i* остается открытой. Как представляется, к ним относится и эта надпись, что не может не

поставить вопроса о типе билингвизма, который SEUTINI / keuθ.ini иллюстрирует.

Этот социолингвистический вопрос не прошел мимо внимания М. Эстаран (Estarán 2016: 209 сн. 358). Испанская исследовательница ссылается на определение М. Лежена рассматриваемого текста как «графического дублета» («doublet graphique», MLV, с. 23) и на работу Eska, Wallace 2002 касательно сложности выделения окончания родительного падежа единственного числа *-i* в венецианском. Однако, как отметил Р. Уоллас, «поскольку эта надпись принадлежит к самому последнему периоду [истории] венецианского, невозможно в этом случае исключить влияние латыни, даже если само имя является местным по происхождению» (Wallace 2008: 133). Действительно, поздний период существования венецианского языка связан, в том числе, и с появлением венецианских текстов в латинской графике, см. пионерское исследование Lejeune 1957 и обзор современного состояния их изучения в исследовании в Simón Cornago 2020: 1084, где также упоминается о том, что целый ряд подобных надписей остается неизданным. Однако таких текстов известно немало, ср. Es 29 = MLV 19 MEGODONASTO, точно соответствующее mego dona.s.to надписей с применением венецианского алфавита, напр. Es 23 = MLV 8 или Es 25 = MLV 10. В литературе уже было отмечено, что в венецианских надписях, записанных латинским алфавитом, иногда встречаются латинские, а не венецианские падежные окончания личных имен, как в случае с формами именительного падежа ед. ч. *-us* вместо ожидаемого *-o.s.* в собственно венецианских текстах, ср. уже Lejeune 1957: 160. Исходя из этого мы можем, вслед за Уолласом и другими учеными, интерпретировать SEUTINI / keuθ.ini как еще один пример латинского влияния на венецианский.

Однако, как представляется, этот пример можно проанализировать и несколько по-другому. Действительно, в случае с амфорными клеймами (своего рода «торговыми марками») — а именно с ней мы имеем дело в штампе SEUTINI / keuθ.ini — вполне можно ожидать транслитерацию. Транслитерация как прием известна в античных культурах и стоит обособленно в рамках исследования билингвизма ранних обществ (ср. Adams 2003: 40–66), а М. Лежен (Lejeune 1957: 158) рассматривает и другую венецианскую надпись (Tr 3 = MLV 229) OSTIANCO . VSEDICA / ostiianko . úsedika как диграфическую («non pas bilingue mais ‘digraphe’»); о ней см. также Prósper 2019: 157 и ср.

обобщающие формулировки Лежена (MLV, с. 23) по поводу графических дублетов в корпусе венетских памятников. Примечательно, что эта надпись, как и другие венето-латинские орфографические дублеты, согласно редакционной политике М. Эстаран, не включены в её корпус (Estarán 2016: 199–223). В данном же конкретном случае следует учесть собственно характер памятника и обратить внимание на смену кода, при котором используется латинская именная морфология вместо автохтонной, как в случае с именами горшечников на амфорных клеймах и граффити из Галлии (ср. Adams 2003: 705–719). Адамс рассматривает эти примеры с точки зрения диглоссии, учитывающей престижность латинского языка, полагая, что продукция, маркированная галльскими именами с собственно галльской морфологией, была предназначена для внутреннего рынка (Adams 2003: 755). Многие выводы британского исследователя были пересмотрены (ср. Blom 2012 и Mullen 2013), в том числе и предложенное им объяснение использования латинской флексии для галльских имен, см. важные выводы, представленные в работе Blom 2012: 32–35 и 39–43. Учитывая все эти соображения, можно представить и несколько другой сценарий появления пары SEUTINI / $\kappa\epsilon\upsilon\theta.ini$. Так, возможно, что венетское имя — а существует немало косвенных свидетельств его эпихоричности — было использовано первично в латинской транслитерации и с ожидаемой латинской флексией родительного падежа. Возможное совпадение падежной флексии в двух языках было всего лишь бонусом для венето-говорящей аудитории. Собственно латинская, более престижная «торговая марка» была дублирована в венетской транслитерации, сохраняя, тем не менее, свою престижность. Таким образом, резонность включения этого дублета в корпус (Estarán 2016: 199–223) может быть поставлена под сомнение, и, в любом случае, сама форма $\kappa\epsilon\upsilon\theta.ini$ не может быть безоговорочно использована для иллюстрации окончания родительного падежа единственного числа *o*-основ венетского языка.

Так, SEUTINI / $\kappa\epsilon\upsilon\theta.ini$ оказывается особенным памятником в корпусе венетско-латинских двуязычных надписей собранных М. Эстаран. К самому же корпусу следует добавить и ещё один пример, (Od 5 = MLV 235) $.o.te[r.]gin$ и OPITERGIN времен Союзнической войны (91–88 до н. э.), ср. [Marinetti 2020, 389]. Как считается, в этих двух случаях мы имеем дело с наименованием жителей Одерцо (античный Opitergium) в форме

родительного падежа множественного числа. Вторая из них является латинской, и её читают как OPITERGIN(ORUM). Венетское соответствие Лежён реконструирует как .o.te[.r.]gin(o.n.) и упоминает синкопу *ĩ* (*Op(i)terg*), см. MLV, с. 294, ср. с. 120. В этой связи можно задуматься о том, что нам неизвестна собственно венетская языковая модель для выражения того, что в латинской надписи представлено формой генитива мн. ч. от названия города, отсюда, возможно, и необязывающая реконструкция Лежёна. Также следует обратить внимание на постулируемое по умолчанию изменение венетск. *opi-terg-* > **opteg-* > *oterg-*, которое получило объяснение только для второй стадии. Очевидно, что пара .o.te[.r.]gin / OPITERGIN позволяет интерпретацию не только как орфографический дублет. Несмотря на все вопросы, которые вызывает её интерпретация, эти данные необходимо поместить — с очевидными оговорками — в корпус венетско-латинских двуязычных надписей.

Библиография

- Adams, J. N. 2003: *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge.
- Bakkum, G. C. L. M. 2009: *The Latin Dialect of the Ager Faliscus: 150 Years of Scholarship*. Amsterdam.
- Blom, A. 2012: Language at La Graufesenque: the evidence of the potters' graffiti. *Keltische Forschungen* 5, 7–47.
- Delamarre, X. 2017: *Les noms des gaulois*. Les Cent Chemins.
- Delamarre, X. 2019: *Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois: I. Ab- / Ixs(o)-*. Les Cent Chemins.
- Dupraz, E. 2012: *Sabellian demonstratives: forms and functions*. Leiden ; Boston.
- Eska, J. E., Wallace, R. E. 1999: The linguistic milieu of *Oderzo 7. *Historische Sprachforschung* 112, 122–136.
- Eska, J. E., Wallace, R. E. 2002: Venetic consonant-stem dative singulars in *-i*? *Studi etruschi* 65–68, 261–273.
- Estarán Tolosa, M. J. 2016: *Epigrafía bilingüe del Occidente romano. El latín y las lenguas locales en las inscripciones bilingües y mixtas*. Zaragoza.
- Falileyev, A. 2018: Venetic *vesoś*. *Incontri Linguistici* 41, 39–45.
- Georgiev V. 1971: Das thrakische Suffix *al* und seine hethitisch-luwischen Entsprechungen. *Donum indogermanicum*. Heidelberg, 161–166.
- Khodorkovskaya, B. B. 1996: [On anaphorical pronoun in Italian languages]. *Voprosy yazykoznanija* 6, 84–90. Ходорковская, Б. Б. 1996: Об анафорическом местоимении в итальянских языках. *Вопросы языкознания* 6, 84–90.
- Kupfer, K. 2003: Deictic use of demonstrative pronouns in the Rigveda. *Deictic Conceptualisation of Space, Time and Person*. Amsterdam; Philadelphia, 203–221.
- Lejeune, M. 1953: Venetica. *Latomus* 12, 385–401.

- Lejeune, M. 1957: Observations sur les inscriptions vénéto-latines. *Studies presented to Joshua Whatmough*. The Hague, 149–163.
- LexLep* = Stifter D., Braun, M. Vignoli M. et al. *Lexicon Leponticum*, http://www.univie.ac.at/lexlep/wiki/Main_Page
- Marinetti, A. 2004: Venetico: rassegna di nuove iscrizioni (Este, Altino, Auronzo, S.Vito, Asolo). *Studi etruschi* 70, 389–408.
- Marinetti, A. Da Altno- a Giove: la titolarità del santuario. I. La fase preromana. *Altnoi. Il santuario altinate*. Roma 2009. P. 81–127.
- Marinetti, A. 2020: Venetico. *Palaeohispanica* 20, 367–401.
- Marinetti, A., Solinas P. 2014: I Celti del Veneto nella documentazione epigrafica locale. *Les Celtes et le Nord de l'Italie*. Dijon, 75–87.
- Meiser, G. 2006: *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt.
- MLV = Lejeune M. 1974: *Manuel de la langue vénète*. Heidelberg.
- Mullen, A. 2013: The language of the potteries: communication in the production and trade of Gallo-Roman terra sigillata. *Seeing Red: new economic and social perspectives on terra sigillata*. London, 97–110.
- Pellegrini, G. B., Prodocimi A. L. 1967: *La lingua venetica*. T. 2. Padua.
- Pinault, G.-J. 2015–6: Venetic *ekvopetaris* and its Indo-European background. *Wékwos* 2, 179–194.
- Pocetti, P. 2012: Language relations in Sicily. Evidence for the speech of the Σικανοί, the Σικελοί and others. *Language and Linguistic Contact in Ancient Sicily*. Cambridge, 49–94.
- Prodocimi, A. L. 1988: La lingua. *I Veneti antichi, lingua e cultura*. Padova, 225–420.
- Prósper, B. M. 2018: The Venetic inscription from Monte Manicola and three *termini publici* from Padua: A reappraisal. *The Journal of Indo-European Studies* 46, 1–61.
- Prósper, B. M. 2019: Celtic and Venetic in contact: The dialectal attribution of the personal names in the Venetic record. *Zeitschrift für celtische Philologie* 66, 131–176.
- Sasseville, D. 2014/2015: Luwian and Lycian agent nouns in *-é-leh₂. *Die Sprache* 51, 105–124.
- Sims-Williams, P. 2005: Welsh *Iâl*, Gaulish Names in *Ial-* and *-ialo-*, and the God *Ialonus*. *Cambrian Medieval Celtic Studies* 49, 57–72.
- Simón Cornago I. 2020: Adaptations of the Latin alphabet to write fragmentary languages. *Palaeohispanica* 20, 1067–1101.
- Vine, B. 1993: *Studies in Archaic Latin Inscriptions*. Innsbruck.
- Wallace, R. 2008: Venetic. *The ancient languages of Europe*. Cambridge, 124–140.
- Wallace, R. 2018: Venetic. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. Berlin; Boston, 1832–1839.
- Weiss, M. 2009: *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor.